

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 1 (3346)

С-162768

Суббота, 1 января 1955 г.

Цена 40 коп.

С новым годом, товарищи!

НОВОГОДНЯЯ РЕЧЬ Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. Е. ВОРОШИЛОВА

Дорогие товарищи! Дорогие граждане нашей любимой Родины — Союза Советских Социалистических Республик!

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Новым годом!

С чувством глубокой радости мы отмечаем, что за истекший год усилиями советских людей наша Родина стала еще богаче, еще сильнее.

Минувший год был годом дальнейшего развития социалистической промышленности, подъема сельского хозяйства и расцвета науки и культуры нашей многонациональной Родины.

Эти достижения — результат созидательного труда героического советского народа — рабочих, колхозников и интеллигенции. Это они, неутомимые строители коммунистического общества и славные борцы за мир и счастье людей, руководимые своей Коммунистической партией, уверенно идут к новым победам.

В наступающем году советский народ, вдохновляемый великими идеями Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, будет трудиться с большей энергией, чтобы сделать наше Отечество еще могущественнее.

Вступая в новый, 1955 год, гордые своими успехами, мы с удовлетворением отмечаем также, что в результате настойчивых усилий Советского Союза, Китайской Народной Республики и всех миролюбивых народов в минувшем году произошла некоторая разрядка международной напряженности. Борьба за прочный и длительный мир принесла свои плоды.

Но это не устраивает врагов мира.

Не считаясь с волей своих народов и забыв уроки истории, правящие круги некоторых западных держав продолжают вести агрессивную политику, чреватую опасными последствиями.

Миролюбивые народы не могут пройти мимо того факта, что западные державы, возрождая в центре Европы германский милитаризм, осложняют обстановку и усиливают опасность новой войны.

Уважаемые граждане, мужчины и женщины, юноши и девушки зарубежных стран! Истекший год к счастью всего человечества был годом мира.

Я не сомневаюсь, что простые, честные люди всех стран не хотят войны, они хотят жить в мире и братском согласии.

Противникам мира не удастся осуществить их планы, если народы возьмут дело мира в свои руки и будут его отстаивать до конца.

Советский народ в братском единении с великим китайским народом и всеми народами демократических стран верит, что и наступающий новый год будет годом дальнейшего упрочения мира во всем мире.

На недавнем Московском Советании миролюбивые государства Европы продемонстрировали непоколебимое единство, сплоченность и волю к борьбе за великое дело мира и безопасности европейских народов. Советские люди, как и все простые люди за рубежом, приветствовали Декларацию Московского Советания, призывающую к созданию системы коллективной безопасности в Европе.

Советский народ — хозяин своей великой страны, переловой борец за мир, свободу и счастье всего человечества — вступает в новый год полным творческих сил и неиссякаемой энергии, готовый с еще большим героизмом трудиться на благо своей любимой Родины!

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства горячо поздравляю Вас с Новым годом, дорогие соотечественники!

С Новым годом поздравляю простых и честных людей всех стран! Пусть Новый год будет годом еще больших успехов в борьбе человечества за прочный мир между народами, за счастье всех людей!

С наступающим Новым годом!

ОТВЕТЫ Председателя Совета Министров СССР Г. М. МАЛЕНКОВА на вопросы г-на Чарльза Эдварда Шатта

Заведующий вашингтонским бюро телевизионной и кинохроникальной компании «Теленьюс» г-н Чарльз Эдвард Шатт обратился к Г. М. Маленкову с просьбой ответить на некоторые вопросы.

Ниже приводятся вопросы г-на Чарльза Эдварда Шатта и ответы Г. М. Маленкова.

Вопрос. Как лучше всего можно поддержать мир между нашими двумя странами?

Ответ. Поддержание мира между СССР и США требует прежде всего, чтобы обе стороны искренне желали мира и стремились к нему, чтобы они в своих отношениях исходили из возможности и необходимости мирного сосуществования друг с другом и из учета законных взаимных интересов.

Что касается Советского Союза, то он, руководствуясь указанными положениями, готов и впредь сделать все от него зависящее, чтобы обеспечить прочные и устойчивые мирные отношения между СССР и США, урегулировать существующие разногласия, имея в виду, что такая же готовность будет проявлена и со стороны Соединенных Штатов Америки.

Вопрос. Что, по Вашему мнению, является самой главной причиной напряженности между Советским Союзом и Соединенными Штатами?

Ответ. Самой главной причиной напряженности в отношениях между СССР и США является проводимый определенными американскими кругами курс на воссоздание ревизионистской западногерманской армии, гонка вооружений и создание сети американских военных баз вокруг Советского Союза и других миролюбивых государств, что нельзя рассматривать иначе, как подготовку новой войны. Всем известно, что в настоящее время по вине западных держав, заключивших Лондонские и Парижские соглашения, усиливается угроза миру и растет военная опасность.

Чтобы устранить напряженность в отношениях между СССР и США, подвести прочную основу для успешного развития мирного сотрудничества наших стран, необходимо положить конец курсу на воссоздание германского милитаризма, прекратить человечеству неисчислимые бедствия, прекратить гонку вооружений и покончить с политикой окружения миролюбивых государств военными базами.

Вопрос. Приветствовали бы Вы дипломатические переговоры относительно урегулирования разногласий, существующих на Дальнем Востоке?

Ответ. Да, переговоры между заинтересованными государствами относительно урегулирования ряда дальневосточных вопросов следует приветствовать. Опыт Женевского советания, в котором участвовала вместе с другими державами Китайская Народная Республика, показывает, что такие переговоры приносят благоприятные результаты.

Вопрос. Каковы Ваши взгляды по вопросу о международном контроле над атомным оружием и считаете ли Вы, что может быть выработан удачный план, приемлемый для всех заинтересованных сторон?

Ответ. Позиция Советского Союза по вопросу об атомном оружии хорошо известна. СССР стоит за безусловное запрещение атомного оружия, за полное изъятие его из вооружений государств и за установление строгого международного контроля за выполнением соответствующего соглашения.

В запрещении атомного оружия и в устранении угрозы атомной войны другие государства должны быть заинтересованы не менее, чем Советский Союз.

Вопрос. Приветствовали бы Вы дипломатические переговоры, ведущие к советанию между Главами правительств Франции, Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов?

Ответ. По этому поводу прежде всего надо сказать, что со стороны США, Англии и Франции делается за последнее время все, чтобы исключить возможность положительного решения вопроса о советании Глав правительств четырех держав. Без известия, три западные державы стремятся решить separatum путем важнейшие международные вопросы, и в первую очередь вопросы, относящиеся к Германии. Разве не ясно, что нельзя проводить такую политику и одновременно сеять у народов иллюзии относительно советания четырех держав.

Следовательно, дело в том, чтобы советание Глав правительств Франции, Великобритании, СССР и США не ставилось перед фактом тех или иных separatum решений вопросов, требующих рассмотрения на советании четырех держав.

Вопрос. Имеете ли Вы перелать что-либо американскому народу?

Ответ. Передаю американскому народу сердечный привет и наилучшие новогодние пожелания. Есть все основания к тому, чтобы развивалась и крепла дружба между народами Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Выражаю уверенность в том, что американский народ внесет свой достойный вклад в великое и благородное дело укрепления мира между народами.

Все народы теперь должны быть особенно бдительными ко всяким просякам агрессивных кругов. Сейчас нет более важной задачи, как объединение усилий народов всех стран в интересах обеспечения мира и международной безопасности.

Наши творческие замыслы

Готовлю к печати сборник рассказов и повестей о любви, семье и быте советских людей. Над произведениями этого сборника работаю давно.

Закончил вчера роман о преобразованиях природы «Вечная мерзлота», но опубликование его отложилось — рассчитываю принять участие в научных экспедициях, направляющихся в район мерзлоты. Только возвратившись домой, завершу и сдам в печать эту свою книгу о советских людях — ученых, строителях, техниках, колхозниках, борющихся за освоение земли, скованной вечным холодом.

В работе — роман «Сердце жизни», посвященный Москве и москвичам. Я хочу показать в нем, что советский человек должен активно строить свою жизнь, если он хочет быть достойным членом социалистического общества, дающего все возможности для гармоничного развития личности.

В. АЖАЕВ

Возлея всю осень и зиму с докладами. Работа казалась мне аромом. Заканчивала спешно поэму свою, и все-таки не был в раю. В декабрьскую ночь, в новогодней метели. Желания вперед улетели: Ни рад, ни ада не надо мне впрямь. Спокойно писать.

Не стареть.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Завершил длительный и объемистый труд десятка с лишком лет — цикл повестованый о полувековой истории дореволюционного Казахстана, истории, показан-

НОВОГОДНЯЯ АНКЕТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

События, описываемые в новой книге, происходят на рубеже двадцатого века. Главные действующие лица те же, что и в предыдущих томах, но, кроме них, в четвертом томе читатели найдут новые типические образы людей того времени — рабочих, представителей интеллигенции. Этот роман будет завершающим томом эпопеи.

Ф. ГЛАДКОВ

Закончил роман «Правда кувшины Ненотаса» и книгу о дальнейшей судьбе братьев Варналицов, оставшихся в подполье после отступления из Литвы частей Красной Армии. В переводе на русский язык эта книга названа «Дни испытаний». В 1955 году приступаю к подготовке сборника очерков и рассказов, которые печатались с 1928 по 1939 год в нелегальных условиях нашими партийными органами.

А. ГУДАЙТИС-ГУЗЯВИЧЮС

Монографические очерки о творчестве А. С. Макаренки, Юрия Крылова и Александра Малышкина, опубликованные в минувшем году в трех номерах журнала «Знамя», являются частями подготовленной мною книги о советской литературе.

В предстоящем году буду думать о теме, которая давно меня волнует: Горький и Достоевский.

В Гослитиздате выйдет трехтомник моих избранных работ, посвященных русской литературе XIX века и советской литературе.

В. ЕРМИЛОВ

Заканчиваю повесть «Великая опора» о героях советской Музани, об их моральном облике и труде. В 1955 году буду работать над романом о жизни бакинских нефтяников.

Мирза ИБРАГИМОВ

Конец старого года ознаменован для меня выходом в свет давно задуманной и начатой прозаической книги для детей «Как я была маленькая». Если она придется по душе тем, для кого написана, я буду продолжать ее.

Другие же мои замыслы еще настолько неясны мне самой, что говорить о них было бы преждевременно.

Вера ИНБЕР

В 1955 году я надеюсь закончить трилогию «Открытая книга».

В. КАВЕРИН

В первой половине наступающего года надеюсь опубликовать свой новый роман, продолжающий книгу «Беллет парус одинокий». По отрывку романа, напечатанному в «Литературной газете» под названием «Письмо», читатели знают, что это главные персонажи — их старые знакомые — Гаврик Черноиваненко и Петя Бачей. События в новой книге, относящиеся к 1910—1912 годам, характеризуют начало нового подъема революционного движения в России.

В. КАТАЕВ

Максим ТАНК

СЧАСТЛИВО ДОЛЕТЕТЬ!

На случай, если я не доживу до той поры, когда вы наяву. Надев мешки поронные, друзья. Учиться в межпланетные края — Чтоб изучить неведомый простор. Дать имена вершинам лунных гор. Кромешный мрак синемем озарить, Безлюдную пустыню оживить. — Хочу предостеречь уже сейчас — Следите, чтобы не было среди вас Ни одного, кто занести бы мог Вражду и ложь на новый тот порог Кто приволок бы за собою след Сленые предрассудки давних лет.

Ничемный груз хвастливого словца, Холодную расчетливость дельца. Глядите в оба, чтоб нитю не смел Межю обозначить свой надел, Богатства гор и вод, раздолье нив Своим владеньем частным объявив. Чтоб старая трагедия земли Уже нигде не повторилась впрямь, Чтоб войны снова вспыхнуть не могли...

Итак, друзья, счастливо долететь!

Перевел с белорусского Я. Хелемский

Андрей ЖАРКОВ

В ПОЛНОЧЬ

Словно ласточки крылья, сомкнулись На двенадцати стрелы часов — Всюду двери в домах распахнулись Под ликующий шум голосов. Новый год, словно друга, встречают Сталева, комбайнер и чабан, Всем простором его обнимает Наш любимый, родной Казахстан. Те, кто поднял целинные земли, Жил в палатках, в огне непогод,

Чаши полные мыliche подьемлют За счастливый, за Новый год. Он идет по долинам и рекам, По просторам великой земли, Где деревья, одетые снегом, — Будто поднятые хрустали. Миллионы людей с нами вместе Голоса воедино сольют. Раздаются задрывные песни Над страной, как победный салют!

Перевел с казахского М. Львов

Рис. И. НЕЗНАЙКИНА

ПОЛЕТ НА ПОЛЮС

ОТРЫВОК ИЗ НОВОЙ КНИЖКИ

Н. Н. МИХАЙЛОВ

— Значит, возвращаться?
— Очень может быть.

Перов замкнул, нагнувшись на голову калюшон и велел греть моторы, чтобы лететь на материк.

В последнюю минуту, уже протискивая свою гигантскую фигуру в дверку машины, вдруг приостановился, оглянувшись, на меня глазами и бросил:

— Подождите.

Поднял самолет в воздух и ушел. Я остался со смутным чувством. Полос закрыт. Но и слово сказано.

Потянулись томительные дни. Я получил время присмотреться к природе высоких широт.

Солнце ходит по кругу. Почвы в обычном понимании нет. Лишь кое-где среди россыпей острых камней пятнами темнеет глина, и на ней трещиной под ветром ярже-желтые лепестки полярного мака.

Море у берега забыто льдом. Оно тихо шумит, но это не шум прибоя — это шум льда. Едва слышимый гул, издаваемый ледяным шуршанием, настоятельным шепотом.

Небо — желтовато-голубая эмаля. Что-то похожее у нас под Москвой бывает раз в году — вечером в конце февраля, когда под ногой хрустит ледок замерзшей канализации.

А льды и снежные поля то просто белые, то с тенью синевы, то чуть оранжевые, то вдруг почему-то фиолетовые. Вылетает час, когда в полостях меж торосов виден воздух. Лилый цвет, совсем материальный, будто дышит...

И вот, наконец, радист Лева бежит из рубки:

— Перов идет! Он запросил погоду полюса!

Моторы гудят, он идет. Он идет, издавая стук, садится без лишнего выражения и заходит.

— Люди не возмущайтесь. Посадка опасна. Только скорректируйся груз!

Мы переставили из склада в машину ящики с помидорами, вытаскиваем бочонок со сметаной... И Перов улетает, даже не взглянув на меня.

Узнали по радио, что на «СП-3» он садился — неизвестно. На обратном пути пропал наш остров без посадки.

И снова тиснется день за днем. На зимовке стояло лучше время года: температура выше нуля. Не нужно было распахивать створки перед окнами. Безмятежные и приближались к жилью.

Стыдно было проявлять нетерпение. Люди, живущие здесь, заключили договоры на два-три года. Радист Лева работает без сменщика одиннадцать месяцев. На остров, в хорошую погоду видны в горизонте, еще прошлый год высажены три геолога, но радио у них, видно, вышло из строя: связи нет. И никто не беспокоится, ждут осенью ледокол — снимет, как условлено.

На шестой день опять кричат:

— Перов идет! Он запросил погоду полюса!

Моторы гудят, он идет. Он идет, издавая стук, садится без лишнего выражения и заходит.

— Люди не возмущайтесь. Посадка опасна. Только скорректируйся груз!

Мы переставили из склада в машину ящики с помидорами, вытаскиваем бочонок со сметаной... И Перов улетает, даже не взглянув на меня.

Узнали по радио, что на «СП-3» он садился — неизвестно. На обратном пути пропал наш остров без посадки.

И снова тиснется день за днем. На зимовке стояло лучше время года: температура выше нуля. Не нужно было распахивать створки перед окнами. Безмятежные и приближались к жилью.

Стыдно было проявлять нетерпение. Люди, живущие здесь, заключили договоры на два-три года. Радист Лева работает без сменщика одиннадцать месяцев. На остров, в хорошую погоду видны в горизонте, еще прошлый год высажены три геолога, но радио у них, видно, вышло из строя: связи нет. И никто не беспокоится, ждут осенью ледокол — снимет, как условлено.

На шестой день опять кричат:

— Перов идет! Он запросил погоду полюса!

Моторы гудят, он идет. Он идет, издавая стук, садится без лишнего выражения и заходит.

— Люди не возмущайтесь. Посадка опасна. Только скорректируйся груз!

Мы переставили из склада в машину ящики с помидорами, вытаскиваем бочонок со сметаной... И Перов улетает, даже не взглянув на меня.

Узнали по радио, что на «СП-3» он садился — неизвестно. На обратном пути пропал наш остров без посадки.

И снова тиснется день за днем. На зимовке стояло лучше время года: температура выше нуля. Не нужно было распахивать створки перед окнами. Безмятежные и приближались к жилью.

Стыдно было проявлять нетерпение. Люди, живущие здесь, заключили договоры на два-три года. Радист Лева работает без сменщика одиннадцать месяцев. На остров, в хорошую погоду видны в горизонте, еще прошлый год высажены три геолога, но радио у них, видно, вышло из строя: связи нет. И никто не беспокоится, ждут осенью ледокол — снимет, как условлено.

На шестой день опять кричат:

— Перов идет! Он запросил погоду полюса!

— Перов идет! Перов идет! Слова падают бочки в тумане, летят вверх ракеты, Лева не отходит от аппарата. Шум в облаках, потом проносится машина над самой крышей банки и садится, где положено.

— Радист! Не отвези.

— Почему? Аэропорт стал лучше?

— Да нет, все то же, посадка скверная. Пролетай раз рули поалам. Вы готовы? *

Самолет идет на высоте двух километров — час, второй, третий... Как-то мы сядем?

Внизу — беспрерывно огромный, плоский, даже кажется, выпуклый, белый, а при солнце — чуть розоватый круг. На нем — нагибы развозки, как черные ялы на маршале. Кое-где на льдинах — заморозные проталины, у них цвет от нежно-голубого до густосинего. Четвертый час, пятый...

Полет на полюс в августе не требует от меня никакой дополнительной экипировки, кроме резиновых сапог, купленных за семьдесят рублей в охотничьем магазине на Кузнецком мосту. Я сижу у окна теплого самолета в своем московском костюме. Какой собаке посчитать Арктику обидной!

Скоро будет Северный полюс. Тайнственная точка, откуда во все стороны — юг, Точка с любым временем суток, Точка, не знающая разделения между понедельником и вторником, Точка, которая вращается вокруг себя самой.

Пари достигал ее 23 года. Чтобы подчеркнуть ее неуловимость, Жюль Верн свел с ума капитана Гаттераса. Блок избрал ее символом отрешенности.

Бери свой чеп, лави на дальний полюс В стенах из льда — и тихо забывай...

Те времена давно ушли; техника шагнула вперед и сместила все понятия. Изменилась и литературная трактовка. Полюс не только стал доступнее — эту доступность захотелось выбрать.

Канадский полярник В. Стефанссон назвал свою книгу «Гостеприимная Арктика». В Горбатов написал «Обыкновенную Арктику». Книга арктических рассказов А. Казанцева озаглавлена «Обычный рейс». Очерки С. Морозова именуется «Близкая Арктика»...

Да, конечно, вот и лежу на полюсе в пиджаке. Но не мнимая ли это, не внешняя ли легкость? Слов нет, со дней Седова и Пири физические трудности уменьшились. Затраты времени сократились. Но жизнь подвала новые трудности, новую романтику — более высокого порядка. Планирование комплексных экспедиций широчайшего масштаба. Изобретение невиданных машин. Работа с тончайшими приборами. Отчет показателей виза — до льда океана и вверх — до стратосферы.

И лежу, а за этим стоят годы человеческой борьбы, годы неизвестных мне подвигов. Выдумка конструктора. Прогноз синоптика. Стойкость тружеников на вчера еще необитаемом острове. Бессонные ночи радиста. Самоотверженность наших людей на плавающей льдине. И вот эта решимость и смелость Перова.

Перов выходит из своей кабинки и говорит, не думая, что раскрывает чудо:

— «СП» через пятьдесят две минуты. Обыденности! Нет, необычайности, какой не знал мир.

Арктика не легка, а трудна. И все же мы там — дома.

Вот это и захватывает. Среди снежного поля я вижу черные палатки и красный флаг на мачте.

Мы идем вниз. Короткая и узкая полоса. С одной стороны она обставлена флажками, с другой — сияет полынью. Черная вода летит прямо на меня. Внезаки — градь торосов. Трах! Куски льда бьют в фюзеляж. Меня бросает вверх и вперед. Лопаются веревки, и какие-то ящики срываются с мест. Трах, трах! Стоп.

С. МИХАЙЛОВ

Прошедшей осенью я съездил в Северо-Казахстанскую и Кустанайскую области и познакомился с жизнью нескольких охотничьих хозяйств. Это знакомство было для меня чрезвычайно интересно и полезно.

Кто-то из ребят поборолся в костер сухих веток, и пламя подпрыгнуло, взвилось вверх, а вместе с ним вспорхнула и пенья.

Иша пел о костре и гаснущих на лету искрах, о любви и близкой разлуке. Его глаза то раскрывались, то прищуривались, чуткие ноздри вздрагивали. И руки, и лицо, и все его тело участвовали в песне. Очевидно, поэтому он пел без малейшего напряжения, легко, свободно и по-чуждому темпераментно...

Я настолько была увлечена песней, что не сразу заметила невысокую белую девушку в строгом клетчатом платье, подошедшую к костру во время явного пения. Ее светлое, но подлаженное загару лицо с полными, слегка припухшими губами выражало и растерянность, и удивление, и робкую нежность.

Забыв обо всем на свете, она не отрываясь смотрела на бригадира и беззвучно шевелила яркими губами, повторяя слова старинной песни, которую он пел.

Когда все стали расходиться, Грошев окликнул девушку:

— Минуточку, Саша. Вам с Трофимовой придется потесниться и выкроить местечко для нашей госты.

Саша взглянула на него исподлобья и довольно сухо предложила мне:

— Что ж, ищите.

Она жила в маленькой брезентовой палатке вместе с повзрослой Анной Трофимовой — пожилой рыхлой женщиной.

Саша работала учетчицей бригады и от зари до зари вынашивала с двухметрового по стени, то нарезая гонь, то замеряя вспаханную трактористами землю.

До отъезда на целину девушка работала на часовом заводе — работа чистая, спокойная, не связанная с хождениями. Но о ней Саша рассказывала неохотно, и вообще, было видно, что сейчас она не расположена к разговору.

— Все, наверное, механизаторы интересуются — вызовом и непонятной горячкой проговорила она, — о них вам бригадир лучше, чем я, расскажет. Он у нас разгворчивый... — И, подражая стремительной

— Теперь спой ты, Иша. Я тридцать

С. ЗАЛЫГИН

ОМСК

Сергей Смирнов

Путь открыт

Мчятся, мчятся, мчятся поезд скорый. Вся громада скорости храни.

Далеко от выстрела «Авроры» До примет сегоднешнего дня... Здесь — размах и зоркость и сноровка.

Путь велик. Подъем порою крут. Кто сказал — «В коммуно останювка?»

Нет, — И там продлится наш маршрут!

С. ЗАЛЫГИН

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

ОМСК

Наша творческая Замеска

Работая над романом, который надеюсь завершить в 1955 году, закончил книгу «Люди и встречи». Она частично опубликована и продолжает печататься в журнале.

В. ЛИДИН

В 1954 году журнал «Дальний Восток» опубликовал первую книгу моего нового романа «Соль земли». В 1955 году буду продолжать работу над второй книгой.

Этот роман я посвящаю послевоенной Сибири, ее труженикам, раскрывающим неметные богатства нашего края творческим свершениями.

Георгий Марков

В 1954 году я работал над циклом стихов, объединенных общим названием «Времена и люди» (Начало века). Несколько стихов из этого цикла опубликовано в «Новом мире».

Другие стихи, написанные в 1954 году, войдут в «Литературную тетрадь», печатаемую в новом издании моего двухтомника. Для «Тетради» я написал также стихи «Несколько Петя», «Историю истории» и «Два близнеца Пети и Серджи» и отдельные стихотворения, печатаемые в журналах и газетах.

Продолжаю работать над переводом стихов великого шотландского поэта Роберта Бернса. Перевел несколько латышских народных песен, стихи русского поэта Абхаши Дмитрия Гуля, закончил перевод детской книги итальянского поэта Джанни Родари «Города и поэды», перекладывая чешские народные песни и прибаутки («Хоровод»). Работаю также над сатирическими стихами и эпиграммами.

О своих литературных замыслах я не люблю говорить до их осуществления. Скажу только, что надеюсь закончить начатый мной цикл «Времена и люди», пишу книгу для самых маленьких читателей, переосмысливаю работу над сказками народов СССР. Предлагаю пополнить новыми стихами книгу «Сказки, песни, загадки».

С. МАРШАК

В 1954 году я закончил работу над русским текстом чешской оперы А. Дворжака «Черт и Кача». Написал детскую сказку «Как медведь трубку нашел».

Написал две одноактные комедии и два сценария для мультфильмов. Закончил вторую часть поэмы «Дядя Степа».

В 1955 году я собираюсь работать над одноактными комедиями, баснями и сценариями для полнометражного художественного фильма.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

В 1954 году не смог осуществить своего намерения поехать на Крайний Север. Думаю сделать это теперь и тем самым продолжить цикл стихов «Ворот океана». Буду работать над лирическими стихами и стихами для детей.

А. ПРОКОФЬЕВ

Сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Зерцель», куда вошли цикл лирических стихов под этим названием и «Большая лирическая поэма «Юность»».

Наша творческая Замеска

В 1954 году в Гослитиздате вышла сборник моих стихов «В добрый путь». В Ереване сдала в печать новую книгу на армянском языке под названием «Откровенная беседа». В 1955 году в издательстве «Советский писатель» выйдет сборник стихов.

Хочу попробовать свои силы в новом жанре, но говорить здесь, в каком и на какую тему, невозможно рисковать, потому что боюсь, что мне не удастся осуществить свои намерения.

Сильва Капутикян

За 1954 год написал ряд небольших рассказов для ребят младшего возраста, завершающих еще во время войны начатый и частично напечатанный тогда же цикл «Твои защитники» — о доблестных воинах всех родов советского оружия.

Для предстоящего нового массового издания повести о юном художнике Коле Дмитриеве — «Ранний восход» — написал новую главу и на основании новых материалов внес в книгу ряд исправлений и дополнений.

Внехочу после довольно длительного перерыва к спортивной теме, начекая очерки о наших физкультурниках и одал «Мосфильму» сценарий спортивной кинокомедии «Хрустальный кубок».

В 1955 году намерен закончить новую спортивную приключенческую повесть, над которой давно уже работаю. Заочно переписываю значительную часть романа «Вратарь республика», которая, на мой взгляд, нуждается в решительной переработке.

Для младших читателей дополнила в 1955 году небольшую книгу «Капитан дальнего плавания», в которой использовала материал, собранный в собственных моих путешествиях, а также в плаваниях друзей-моряков.

Лев Кассиль

В истекшем году закончила комедию из жизни нашей молодежи, возможно, эту комедию зрители увидят в наступающем году. Работая и буду работать весь следующий год над новым романом.

Вера Кетлинская

Недавно я опубликовала повесть «Девушка из Хиромиски». В ней рассказывается о судьбе японской девушки — жертвы атомной бомбы, о борьбе японских патриотов против оккупантов, о последних днях испанской водородной бомбы на Бикини и о прочих событиях.

Скоро начну писать повесть в виде записок участника войны в Корее — американского генерала и китайского студента. В этой повести будет рассказано о крахе американских военных авиаторов в Восточной Азии. Хочу также написать в новом году цикл рассказов смешанного жанра (приключенческого и памфлетного) о тайной войне, которую ведут враги мира против лагеря демократии.

Роман Ким

30 декабря на сцене МХАТ имени Горького состоялась премьера пьесы «Лермонтов»

из записной книжки писателя

Встречи минувшего года

Директор

День был осенний, тихий, ясный, но бледный.

Поблещели уже трава и небо, и дорога в степи была тоже серой, бесцветной.

Но чувство напряжения, которое охватило людей в степи в эти дни запоздалой заты, не покидало и нас, и мы только на четверть часа остановили свою машину, чтобы переодеться. Даже и тут, на отдыхе, разговор шел об уборке, о строительстве новых совхозов, о комбайнах и комбайнерах.

Мой собеседник, корреспондент одной из центральных газет, так знал все дела в степи и с таким знанием дела рассказывал о них, что мне только оставалось удивляться — почему он не работает, скажем, директором совхоза.

Мой спутник был увлечен и рассказывал дальше, протерев очки и взглядыывая куда-то в степь, словно там он видел того, о ком говорил.

— А вот еще директор Русско-Полянского совхоза Иванов, знаете? — спросил он.

— Знаю... Как же! Когда-то мы учились с ним вместе — только на разных факультетах. Такой был веселый, беззаботный студент...

— Беззаботный, говорите. Странно. Очень странно. А знаете, как он сейчас строится?

— Нет. Этого не знаю.

— А так... Сборно-битовые дома поставит, а потом обнесет их стеной в один кирпич и снаружи побелит. Дома теплые, красивые, прочные. Или еще так. Прежде чем строить, составил список всех работников совхоза и сколько у каждого изобретенных. И для каждой семьи запланировал отдельный дом или палисадник. А чьею коммунат — в зависимости от того, какая у работника семья... Все семьи оказались по восьми человек. Так он наметил построить для них четырехкомнатные маанки. Пусть это пока маанки, но ведь четыре спальных комнаты, кухня, внутри побелено, хорошие печи, напольные постройки и для коровы и для птиц. Каждая семья знает, где она будет жить. И поэтому в полном составе и старики и ребята принимают участие в строительстве своего будущего дома...

— Как вы думаете? — через минуту спросил он, — без чего нельзя начать строительство совхоза?

И был озадачен: — Ну, как вам сказать... Нельзя без машин, без стройматериалов, без людей, без денег.

— Все это так... А вот Иванов еще говорит: нельзя без пяти или шести лошадей и без сена для этих лошадей, и без коммун, и без тарантасов. У него, знаете ли, список составлен таких необходимых предметов — 150 названий. Он говорит: «Мы построились на чистом месте. А этот список я передаю теперь другим директорам, которые так же вот, как и я, будут строить. Этот список мне трудно дается, прежде чем я его составил, сколько хватил забот, сколько меня ругали и сколько я своих снабженцев ругал! Так вот передаю его в назидание другим повелеваю, пусть из нашего опыта пользу извлекают».

Потом мы поехали. И дорогой мой спутник все продолжал рассказывать мне о Русско-Полянском совхозе, в который мы держали путь...

А вот, наконец, и сам совхоз. Но что за странная картина? Улицы уже исчерчены постройками, видна и будущая площадь, видны и магазины, и корпус ремонтных мастерских. Но весь этот городок был похож на разбросанный бивуак: на улицах, на крыльце каждого дома, перед распахнутыми окнами и дверями домов разставлены кровати, сумки, шкафы, кухонный инвентарь, висели шубы, белье, торчали стволы охотничьих ружей, балеисты на солнце утюги. Одним словом, вчерашнее было такое, словно на всех окнах и дверях жилища повывисывали свое имущество...

Тут же бежали ребяташки. Паулисы на приколах козы и коровы.

— Что за табор? — спросил я. Но тут уж и мой спутник удивленно пожал плечами: — Ничего не понимаю.

Мы проехали через эту странную усадьбу и приблизились к «контуре», точнее, к большой палатке, в которую, обвивая нас, е ходил замах моточник.

В контуре мы спросили директора, и нам ответили, что он в поле.

Мой спутник, должно быть, не хотел спрашивать у других, что это такое творится на усадьбе, и молчал. Хозяйственные способности директора, которого он расхваливал, должно было вызывать сомнения при виде такого беспорядка.

Наконец Иванов приехал.

Мы не виделись с ним много лет, но я сразу узнал его. Как и прежде, он был довольно подвижной, хотя фигура его, приземистая, плотная, казалась, должна была обладать размеренными и неторопливыми движениями. Он был начисто выбрит. И все чему-то поменялся.

Корреспондент поздоровался с директором, и первый же вопрос, который он задал ему, был такой:

— Что это у тебя, Иванов, табор такой на усадьбе? Дома что ли оказались негодными для жилья?

— Что ты, пареня! — засмеялся директор. — Как можно!

В прошлом году была закончена картина «Герои Шан-шан», снятая режиссером С. Васильевым по моему сценарию. Фильм посвящен братству русского и болгарского народов и создавался «Ленфильмом» совместно с работниками болгарского кино.

В будущем году я должен закончить роман «Матросы», над которым работаю больше трех лет. Первые две части были опубликованы в 1953 году; всего в романе будет пять частей. Много у меня критика романа, а также многочисленные советы, замечания и пожелания читателей.

Работая над сценарием «Кочубей» для «Ленфильма».

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

В новом году хочется работать плодотворнее и настойчивее, чем в уходящем.

Огромным событием в жизни каждого литератора в 1954 году была, конечно, наш Второй всесоюзный съезд писателей. Приветствие ЦК КПСС нашему съезду открывает и направляет нашу многонациональную литературу.

Натали РЫБАК

В декабре вышел в свет мой роман «Лена», посвященный героической борьбе ленских рабочих в 1912 году.

В 1955 году закончу вторую книгу романа «Страна родная» и завершу работу над началом нового романа в стихах «Колоды».

В. САЯНОВ

Не так давно мне посчастливилось побывать в Болгарии. Вернувшись, я написал о ней серию очерков.

В новом году я намерен продолжать основную работу над давно задуманным романом об Армении. В романе покажу последствия той кровавой политики, которую вели империалисты в отношении армянского народа в годы первой мировой войны.

Г. СЕВУНЦ

Канун нового года знаменует для меня началом выхода в свет десятичного подлинного собрания сочинений, выпускаемого Гослитиздатом.

Продолжаю работать над многоэпической повестью «Преображение России», охватывающей период с 1913 по 1929 год. Эпопея начинается романом «Преображение человека».

Романы и повести эпопеи занимают с седьмого по десятый том собрания сочинений. Продолжением эпопеи будет роман, над которым я работаю сейчас — «Долгой весной».

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

В одиннадцатой и двенадцатой книжках журнала «Октябрь» опубликованы законченная мною в этом году повесть «Зеленый луг».

Работая над новым циклом «Рассказов капитана 2 ранга Кирдяжа», продолжающим тот, который я закончил в сборнике «Морская душа». Думаю, что к весне будущего года цикл этот (8-9 рассказов) появится в журнале.

Леонид СОБОЛЕВ

Старуха Кай ошупью укрепила толстую стеганую подушку внутри бутылки со срезанным донышком и опустила этот своеобразный самодельный светильник в снег. Потом зажгла спичку, склонилась и бережно поднесла трепетный огонек к фитилю. Огонек не погас на свежем ветру; старуха Кай за свою долгую жизнь привыкла приносить огонь сквозь самые суровые ветры.

Длинные тени враспыленную шмыгнули в черные кусты, белеющие снежными шапками. Круг света вырвал из темноты кусок кладбищенской решетки, ствол дерева с зеленоватым мхом и надгробный камень, припрятанный снегом. То был обыкновенный красный валун, каких много на полях Эстонии; тридцать лет назад мастер отполировал одну его сторону и вынес на ней имя мужа Кай, батрака Юхана на мельнице в Водья.

Морщинистой, жесткой рукой Кай поправила седую прядь волос под толстым шерстяным платком и задумалась. Сегодня, в канун Нового года, она нешкромно пришла на сельское кладбище не для того, чтобы поговорить с богом, нет, долгая жизнь научила ее не верить в бога.

Кай пришла навестить ушедших. Впрочем, она не очень-то считала их ушедшими. Из погребенных на этом сельском кладбище под старыми голыми березами и вязами старуха Кай знала многих. Все они в свое время очинили от валунов землю под поля, и границы полей расширялись теперь вывукли. Еще продолжали стоять дома, построенные плотниками, и дымили печи, выложенные камешниками. Слова этих людей, соленые шутки, рассказы и песни переходили из уст детей в уста внуков. И все больше и больше разрастался их семья, как разрасталась два могучих вяза, когда посаженных мужем Кай. Сам Юхан умер давно, а взыли с каждым годом растут все выше и выше.

Тем разе можно считать умершими тех, кто строит дома, очинал поля и сажал деревья?

Кай обождала светильник пушистыми словыми ветками и вышла из круга света. Теперь этот огонек, защищенный от ветра, будет гореть до утра под огромным небом весенней...

Проваливаясь в снег, она пошла вдоль дорожки и остановилась около одного из хомиков. Здесь вынула кругую свечу, отрезала от нее кусок и снова устроила светильник в изгородь могилы одной когда-то знакомой женщины. Она помогала Кай при родах ее первенца.

А самый маленький огарок Кай зажала в безымянной могиле у самой границы кладбища с полем. То был лихой батрак Михайла, Миху, Мики, Кики... Много имен ему надавали деревенские девки когда-то. Он славно пел, а еще лучше работал: либо-дорого было посмотреть, как он поднимал пологата на вилы. Если бы Кай не вышла замуж за Юхана, она стала бы женой Михайла... Но это все было давно...

Кай неторопливо прошла сквозь зачуханный строй березовой аллеи и вышла на широкое шоссе. Она не торопилась, дома никто не ожидал ее: сын погиб на войне, а дочь в вичуной приехала поздравительным телеграмму.

Нюхала ослепительные фары освещали Кай, и с грохотом, на большой скорости, обдавая старуху запахом сгоревшего бензина, пронеслись тяжелые автомашины с грузом. Шоссе и днем и ночью жидко напращивали жизнью: оно вело к большому городу. Но нему можно проехать в университетский город Тарту, где живет дочь с вичуной, а оттуда в Пиару и дальше, за сотни километров — в латвийский город Ригу. А если вернуться лицом в другую сторону, там — Таллин, Ленинград, Москва...

Отступая в сторону от пронесшихся машин, Кай каждый раз думала: не проедет ли кто-нибудь из ее знакомых шоферов? Она знала многих: они часто останавливались у ее дома чтобы починить, попросить воды или выпить молока и закутить.

С каждым годом все оживленнее становилось на шоссе, все больше появлялось машин и тракторов. Они везли цемент, лес, веялки, комбайны, горы ящиков, мешков... Порой совсем странные машины медленно и важно прохлывали мимо: огромные экскаваторы, подземные краны со стрелами, бульдозеры. Немало машин застря-

ло и в соседней МТС. Вот ее ярко освещенные окна среди парка старой помпешной мизы. Мелькает тень в окнах, доносится музыка... Вилно, танцуют.

Порядочно устав после часового пути, Кай пошла к дому. У толстой липы дорога раздвигалась. Старая дорога делала крутую петлю вокруг приземистого здания мельницы; новое, шоссе, прямое, как стрела, шло прямо, нока снова не соединялось со старинным трактом. Дорогу выпрямили недавно, потому что на крутом повороте часто случались несчастия. Жизнь все выпрямляется, хотя спина старухи Кай и сутулится, как дорога вокруг мельницы.

Неподалеку от дома с освещенным окном Кай среди тишины и молчания снежного поля и заснеженной ольховой рощицы вдруг услышала странный торопливый звук, словно где-то полонутые гуси. Это ругали. Он хлопотливо и быстро течет себе и течет, не замечая даже в пятнадцатиградусные морозы. Когда муж Кай работал здесь батраком, ручей нагонял воду к плотине. Но потом, когда появились более мощные и совершенные мельницы, хозяин срыл плотину и оставил деревянные скрупулезные механизмы, а Кай с Юханом стали пахать у него землю.

Кай остановилась на каменном мосту через ручей. В незапамятные времена дома по ту сторону ручья видел конюх Петер. Он сидит в конторке бригады у телефона, дремлет, севив зыбкую голову; ожидает колхозного агронома из покоски, чтоб принять лошадей.

Яркий электрический свет из окна отражается и дрожит в ручье. Быстрые волны набегает из-под моста: вот волна на мгновение в себе светлеет, тогда растут все выше и выше. Там разе можно считать умершими тех, кто строит дома, очинал поля и сажал деревья?

Кай открыла широкую дверь и, ошупывая в темноте, словно в мельничном ларе, нащупала в кармане электрический фонарик.

Острый луч осветил внутренность старой волной мельницы; дверь справа вела в комнату, слева было рабочее помещение. Кай не вошла в дверь, за которой дремал конюх Петер, а по узкой лестнице стала подниматься на второй этаж. Луч света пригнал по огромному мельничному колодезю, грубо вытесанному из дерева, но каким-то деревянным шестерням, валом и желобам.

Поднявшись под драночную крышу, Кай открыла дверь, щелкнула выключателем и оказалась в довольно просторной комнате, которая была отставлена подсудившей на своем веку мебелью. В лицо приятно пахнуло теплом, запахами жареного и сушеных яблочных корок.

Кай выпрыгнула себя из под платков и верхней одежды, взглянула на часы с маятником и, покачав головой, захлопнула дверь стола. На скрупулезно постылались постылались шага. Кай знала их. Поднималась колхозная почта — пожелания вдова Анна. Высокая кистистая женщина вошла без стука, бросила на стул в углу нелепую сумку и стала разглагольствовать красные руки.

Скоро одиннадцать, — сказала она осевшим от холода голосом. — Пришло же сегодня похолодить... И как только сумка не лопнула от писем. Можно подумать, что у нашего колхоза рождество по всему свету... Кай взглянула на часы, как буря, шепнула враспыленную на столе белую скатерть и приказала: — Взгляни, как там колбасы...

— Их запах я почувствовала уже внизу... — пробормотала Анна и открыла заслонку раскаленной печи. Оттуда дохнула жарким запахом кровяных колбас.

— Что же больше нужно двум вдовам, как не блядо кровяных колбас да чего-нибудь на сладкое... — добавила Анна и кинула жадный взгляд в угол, где на маленьком столике у Кай стояли банки с домашним вареньем.

Снаружи донеслось ржанье лошади, раздались шаги.

— Вот вернулся агроном, — прищурилась, сказала Кай. — Он после

собрания хотел захватить к жене, она с ребенком в больнице. Штоко, когда у человека ребенок болен в родильном... Дома никого нет.

Почтальонка открыла дверь и отсыпала килограмм муки, вынула маленькую, пахнущую лесом и снегом олку.

— Мимходом срезала на краю пастбища... — объяснила она. — Видишь, как шар зеленый.

— Свечей-то, кажется, не осталось... — пожалела Кай. — А подставку посмотрели за дверью.

За дверью под крышей можно было

найти не только елочную подставку, но все, что угодно, хоть старую ерляку или железный рукобойник.

Кай стала накрывать на белой скатерти два прибора и вдруг остановилась. Визгу послышалась шум подвешенной машины, — визгу, молотой, тяжело груженной дизельной машины, — задрожала земля, чуть слышно прозвенели стекла в маленьком буфете.

Машина стала, послышалось громкие колеса, шата, захлопала дверь. — Кто бы это? — удивилась Кай и, приоткрыв дверь, выглянула.

— Нашли время, — недовольно сказала почтальонка Анна и наскоро прикрыла салфеткой банки в углу.

По скрупулезно лестнице поднималась кто-то тяжелый. В неверном свете Кай увидела широкое румяное и веселое лицо плечистого человека в кожаной куртке и шоферской фуражке.

— С наступающим! — заремел веселый сочный голос и, казалось, заполнил все уголки старой мельницы, и где-то в суставах старых деревянных шестеренок слышно что-то даже скрипяло. — Ну как вы, мамми? здесь в веке деревня живет? А я вот новую технику везу: трансформаторы! Но только не успею доехать до боя часов... Я тут вспомнил про ваш дом и приехал газу.

Кай узнала знакомого шофера. — Тогда майлосте просим... — пригласила Кай. — Мы тут, старухи, вдовам встречаем. — Вот, вот! — обрадовался шофер. — Часок передохнем, да и в путь. Только я не один! — зашептал он громким, на всю мельницу шепотом. — Тут два спутника... — Хотите все... — пригласила Кай. — Колбасе хватит на всех... Шофер зарюмчал вниз.

Через несколько минут гости, пурясь от света, друг за другом стали входить в мансаржную комнату. Вперед вошел шофер и, как свой человек в доме, кинул фуражку на вешалку. За ним порог переступил молодой человек с заплетенным мешком и задумчиво сказал:

— Каждый раз под Новый год я вспоминаю, как однажды на войне его встречали... Под городом Великие Луки... Был мороз покрывало этого... Город горел. И даже огонь был какой-то холодный, фиолетовый...

Все уже сидели за столом и смотрели на агронома. Он усаживался медленнее всех. Неуклюжая нога доставляла ему хлопоты.

— Вы в каком полку служили? — поинтересовался шофер. — В двадцать седьмом стрелковом... — Из одного полка! — изумился и обрадовался шофер. — Как это мы раньше не встречались?..

— А это зоотехник Мари Лепп, — знакомил шофер. — Получила новое назначение...

Старая Кай, зная многих на десятки километров вокруг, догадалась, что это дочь старого Леппа из соседнего района. Она года два назад кончила учебу, вышла замуж неудачно, и, по слухам, разошлась с мужем. Так, так, значит, на встречу новой жизни... Новый год, новая жизнь...

— Снимайте пальто, — пригласила Кай.

Все разделись. Мари Лепп осторожно села на стул. Кай пристально оглядела ее. Только студент, не снимая пальто, подошел к окну.

Уголки рта у грустного зоотехника слегка дрогнули в улыбке, и она сказала чуть намертво:

— Что ж вы? Все равно опоздали... Тогда он положил мешок и сунул пальто.

Старая Кай затормозилась. Времени оставалось совсем немного. На столе она прибрала еще три прибора и стала расставлять закуски.

Вдова-почтальонка прикрепляла елочку к подставке. Студент, глядя на нее, похрюкал в миске, вытаскивая пачку свечек и протянул нехотя.

— Все равно пропадут, — огорченно сказала он. В комнате стало вдруг шумно, немного тесновато и уютно. Шофер громко принялся рассказывать какой-то веселый случай из своей практики, и все, даже студент с рюкзачком, зазублялись. Не то чтобы шофер хорошо рассказывал, но от его тухлых красных щек так и вяло зловоние, смешно торопилась пучок волос на лысой голове и молочно белоснежные крупные зубы...

Постучав, вошел еще один гость, средних лет мужчина, не очень чисто выбритый, со смущенной улыбкой на худощавом лице. Когда он занес правую ногу через порог, она скрипнула, и гости поняли, что это протез.

— То-то я слышу, наверху так весело... — широко и несколько наивно улыбаясь, сказал вошедший, оглядывая всех. — Гости... И укрядкой протянул Кай бутылочку с красным вином.

— Это наш агроном, — сказала Кай, и все радостно закивали, словно она сообщила бог знает какую приятную новость.

Агроном скромно уселся в стороне и стал слушать. Он оглядывал всех блестящими глазами и все продолжал улыбаться, хотя шофер рассказывал уже повсе не смешное: как он чудом спасся при какой-то аварии, и вдова-почтальонка вскрикивала от испуга. Агроном не мог не улыбаться, так он был переполнен своими чувствами.

Сегодня в больнице жена в окно показала ему сына. Мальчик поправился, узнал его издали и улыбнулся. Маленькая остриженная головка на тонкой шейке!

Агроному хотелось сейчас обнять всех этих незнакомых людей: они назвали ему необыкновенно милыми. Старуха Кай вынула из печки горшок с дымящимися колбасами и пригласила всех к столу. Шофер втянул ноздри воздух и с восторгом сказал:

— Ну, мамми, лучшей встречи Нового года и ожидать нельзя! Уж я-то знал к кому гостей пригласить... Агроном взглянул на блюдо с льдисто-прозрачным студнем, на тарелочки с мариннованными рыжиками, салатиками, на весь этот праздничный стол и задумчиво сказал:

— Да, да... — рассеянно сказал агроном, захваченный каким-то ярким воспоминанием. — И вот лежал я ночью на морозе в поле, раненный в обе ноги, и замерзал, ползти не мог. Город впереди горит... над головой пули свистят...

Шофер сочувственно кивнул, нацелился на самую пыльную досюнувшую колбаску и воткнул в нее вилку.

— Было дело... — вздохнул он. — Да вот вышли из переделки живыми. — Я бы не вышел, — сказал агроном. — Долго ли без ног замерзнуть... Да, спасибо, человек хороший спас. Он меня на патронном ящике выволол...

— Боже мой! — всплеснула рука почтальонка.

— Постой, постой... — вдруг растрепанно сказал шофер, со стуком вилку, и встал. — Как это ты говоришь?.. Вель я тоже одного выволол на патронном ящике...

Агроном тоже встал и во все глаза смотрел на шофера. Все, затаяв дышанье, следили за ними.

— Папоко было ползти через гребень холма в одном месте, там немецкий пулеметчик брёл, как бритвой... — несурово, говорил шофер. — И вот этот парень мне говорит: «Брось меня, товарищ...».

— Да, черт побери, это было так... — забормотал агроном и поспешно стал выбираться из-за стола.

Но шофер предупредил его. С грохотом оттолкнув стул, он бросился к агроному, сгреб и погнал в воздух.

Почтальонка Анна вытирала глаза. Мари Лепп тихо улыбалась.

— Какая встреча... Какая встреча... — растроганно бормотал студент, поспешно расстегивая свой рюкзак, и вынул бутылку с красивыми этикетками. Хоть какому именинному столу сделала бы честь такая бутылка, но студент без тени сожаления сорвал с нее яркую зеленую шапочку и откупорил.

— Скоро пробьют часы... — тихо напомнила Кай. — Назад, студент! — с красным и восторженным лицом крикнул шофер: — Выпьем за счастье!

— За верное советское товарищество, — сказал взволнованный агроном. — И за одну девушку... — не смог не признать верный студент.

— И за всех хороших людей, — послышался тихий голос Кай. — Вот именно, за людей! — подхватил агроном. — Когда люди держатся вместе, они помогают друг другу пройти любые испытания и найти счастье... Вот мы случайно сошлись здесь, шесть человек... — Нас семеро... — тихо поправила Кай.

— Как, простите?... — запнулся агроном, обводя всех глазами. — Мне казалось...

Все продолжали заглядывать Кай и только сейчас заметили, что Мари Лепп, зоотехник, не поглядела рюмку и грустно смотрит перед собой чистыми серыми глазами. И все поняли.

В 1954 году я написал книгу стихов, которая так и называется: «Стихи 1951 года».

В 1955 году я буду, как в 1954, — писать стихи, а кроме того, продолжу работу над второй книгой романа «Товарищ по оружию».

Константин СИМОНОВ

В том, как люди в повседневном своем труде становятся душевно богатыми, как рождается в них потребность нести радость другим, мне хочется рассказать в своем новом романе «Шумит, шумит поточек», действие которого происходит в наши дни в Советском Закарпатье, в Чехословакии и Венгрии.

Работе над романом был посвящен прошедший год. Она будет продолжена и в наступающем, 1955 году.

М. ТЕВЕЛЕВ

Буду продолжать работу над книгой рассказов и стихами о новом, народном Китае.

Николай ТИХОНОВ

Минувший год у меня ушел на работу над большой поэмой «Хасан-Арабкеш». Она посвящена людям моей республики, их духовному росту.

На окончательное завершение поэмы потребуется часть времени и в новом году. Однако основной работой 1955 года будут стихи об Иране и Китае, где мне довелось побывать.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Я пишу новую повесть о судьбе рабочего человека в капиталистическом мире и работаю над романом, где хочу показать влияние Октябрьской революции на турецкое национальное освободительное движение.

Пшущу стихи.

В ноябрьской книжке журнала «Театр» опубликована моя повесть «Персональное дело», поставленная в Куйбышеве. Для «Мосфильма» написал сценарий, взяв в его основу повесть «Продолжение».

Весь 1955 год я буду занят работой над сценарием и кинематографическим воплощением этих двух работ.

А. ШТЕЙН

Мих. ЛУКОНИН

Новая встреча

ГЛАВА ИЗ ПОЭМЫ

Вот и осень. Земля моя, здравствуй. Над Волгой Я опять на быкомском стою берегу. Осенний сыновней любовью и долгом, Скольких снов твоих, слов твоих Я берегу. Пароход отошел. Я остался. Наплыло, К сердцу сразу прильнуло родное село. Захлестнуло тоскою глаза, То, что будет — то, что было. Золотые прутья в плетни заплетая, Ходит осень. Опраснда шипят калачи. И солонички засветились, влетая. Как будто опавшие с солнца лучи. Отошло это лето, палище зноем Суховой отсырело. Нелегко выполнять тебе дело земное, Ты устала, земля моя,

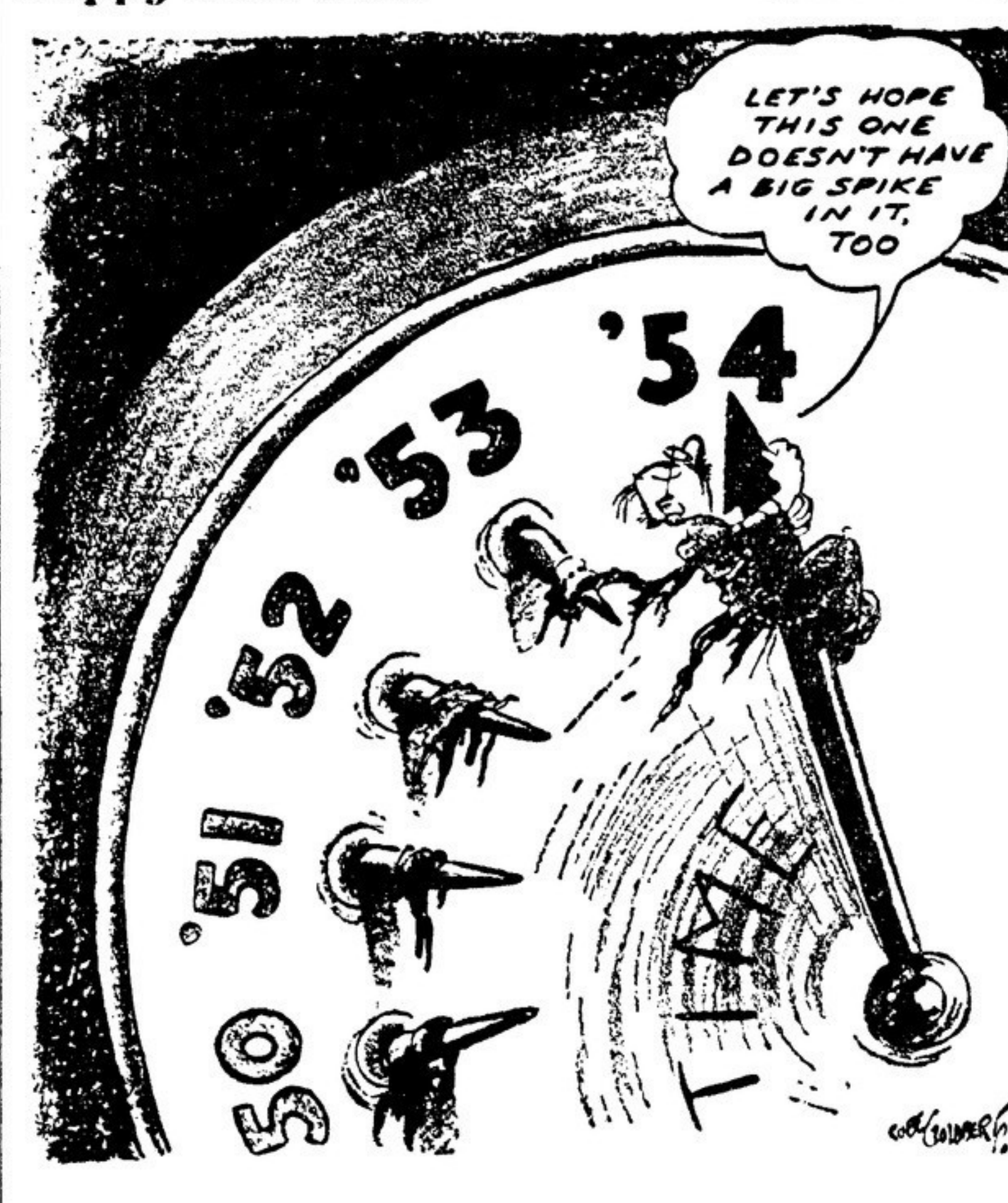
изнемогла. Здесь вот мама и сестры арбузы грузили. Чтоб не ползла, меня зарывали в песок. Здесь вот так и сидел я, открыться не в силах. Заслоняя ладонью нагретый висок. Помню все: мы с тобою, земля, побелели. Пить просили. Но жар опрокидывал нас. В огнедышащей мы задыхались купели — Ты — земля моей жизни, и я — свинопас. Мы лежали. Кругом — ничего! Черноталом. Ты шумела. Зелемые выходы подглот. Цыпки трескались у меня на ногах... Это было. И забыться все это никак не могло. Ты детей своих грудью иссохшей растила. Просто чудо — откуда в арбузе вода?! Просто чудо — откуда во мне эта сила? — Я, твой сын, мог совсем не подытаться тогда. Дом на самом краю Стеловой расстало. Окна лопались от ледяной синевы. Ты всегда натоцка засыпало устало. Детство ребных детинек Наталья-вдова. Нелегко нам, земля моя, было. Веками Ты страдала, тебя зажимали пески. Ты сухими, как жухлые плети, руками, Нам макуху дала.

разломил на куски. Год за годом желтели арбузные плети, Хлеб горел, высыхали колоды в степи. Год за годом твой босонюге дети Вырастали под плеч: «Потерпи, Потерпи!» Помню стужу январскую. Ветер морозный. Люди медленно двигались, снегом пыля: Знами с черной каймой пльлю в музыке слезной. С Ильичем в это утро прощались земля. Мама в красной косынке пришла. Делегатка! В дальний город Камышин уехала вдруг. На собранья ходила, робела украдкой, Избиралась куда-то согласен рук. ...Ватник свой отдала мне, он теплый от мамы, Я кнутом подпоясался. В школьный класс повела меня за руку прямо: — Ты тетрадь берешь и чернила не трать! Хилый, робко вошел я, а встретил косо. Навсегда я подробно запомнил поля. Я, заморыш. Их выучил собственным носом. Находясь в основании кучи-малы. Но учитель рукою водил мою руку. Пыли буквы... С тех пор навсегда я проник В ученичество. И влюбился в науку —

В наш великий взволнованный русский язык. Осень! Осень! Гола отшумели факелы! Я на первую улицу вышел, стою. Не узнаешь открытые лица людские. Только землю, избитую мглой, узнаю! Не узнаешь — за трактором нету погоня. По дорогам райцентра машины снуют, Слышно радио, в клубе трепещут ладони. Не узнаешь... Но воздух сухой — узнаю! Из дворов выбегают, И веселье — обутые крепко, в новую школу, скорей!.. Не узнаешь... Но вдруг поднимается пенка. Да, ты все еще здесь, — Извинюсь, товарищ... — задержался прохожий, — Не признаете? Нет? Двадцать лет позади! Не Денисов? Денисов? На отга как похожи! Я Бабаев, сосед... — Дядя Федя, гляди! — Витьку поминишь? Он здесь, в МТС нижегородом, Томка в Пединституте. — Урожай как? — Стумлясь он: «Средняя мера, Выжигает...» И покраснел от стыда. За тебя покраснел, Ты такая уже не по нраву ему. Ты давно уже отстаеть от народа, А народ за тобой не вернется во тьму.

Чтобы быть по плечу нашим планам и срокам, Соответствовать жизни советских людей, Обновляйся, земля, напоенная соком, Орошенная Волгой, земля, молодежи! Помню, летом, рещал, уходя в свинопасы: Все, что за зиму вызнал — земле передам. Книжку клал на поляны, подкреплялся припасом, И читал, и читал я земле по складам... А страна протанула мне добрые руки. Со своим наукой сдружилась и забыв я о давнем решенье, навек. В городах, у далеким расцветенных рек. Мой отец от земли отрешился однажды. Он в Царицыне ружнул с заветной мечтой. И не мог я простить тебе огненной жажды. Мук голодных, слезы материнской святой. Но случилось и наше свидание второе. Снова Партия сына с землей свела. Понял я на волне Сталинграддрострой, Что любило тебя, помню, ты — в сердце жила!

и люблю тебя, землю родную, Но не ту, что макухой кормила меня. Я люблю тебя вновь молодую, няную, Ту, которой становишься день ото дня. Помню все, в люблю тебя, степь дорогая, Вас люблю я, Выбыв мой хутора, Не была краса мне мила, а няна. Ваше завтра люблю, а не ваше вчера. Я люблю тебя там — за Калиновой Валкой, Где морские к тебе пристают корабли, впопалку. Будь райном живой, плодородной земли. Я за эту мечту вековую твою Все стремленья свои, всю любовь, всю науку, Все, что нужным считаешь — тебе отдаю. То, что было, — людское голодное горе, Недороды, Кулацкий разнузданный гнет, Все отжившее — пусть Сталинградское море своею волной захлестнет!

На рубеже нового, 1955 года невольно встают в памяти прекрасные и суровые дни решающих битв Отечественной войны.

Но не традиционная, «круглая» дата года Победы заставляет сегодня, в день годового праздника, подводить итоги столь большого пути.

Ушелший год ознаменован принятием конституции Китайской Народной Республики, большими успехами строителей социализма в Польше и Венгрии.

Сила и могущество, несокрушимость лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом, — вот что прежде всего показали события 1954 года на международной арене.

Теплый ветер надежды повеял на всех континентах в 1954 году. Отмечали смягчение международного напряжения, торжество духа переговоров, провозглашенного в Берлине и особенно в Женеве.

В чем причина всего этого, откуда возникла надежда? Может быть, поумнели и пооберели империалисты, волеи превратились в ягнтя, а короли биржи решили, что продажа телевизоров или швейных машин может быть им не меньше доходна, чем постройка бомбардировщиков и боевек с нападком?

Причина в другом — в мощи и единстве, в консолидации лагеря социализма и демократии. Даже самые тугоподъемные из американских сенаторов понимают, что ки-

тайский народ прочно и навсегда расправил могучие крылья и его не свернешь с избранного пути. Даже сенатор Каттани, автор закона, запрещающего всем капиталистическим странам торговать с Советским Союзом, побывав в нашей стране, вынужден был признать свое поражение.

Исторические параллели всегда точны, рифмованы. Но не будет чрезмерно смелым сравнение 1954 года с 1924-м. Тогда, после провала бесконечных попыток империалистов уничтожить силой оружия советскую власть в нашей стране, наступила так называемая полоса «примирений».

Именно в этот период, когда в Китае укрепились империалисты, но потускнели и не выжили прилива антикоммунизма у большинства ответственных государственных деятелей Запада.

В Европе не только явное большинство народа во Франции, Италии, Германии и Англии — против парижских соглашений, но даже в парламентах за них всюду господствует фактическое меньшинство, выдаваемое за «большинство» только благодаря трусовому воздержанию части депутатов.

Правда, Даллес, Лодж или Ноулэнд еще кокетничают своей зоологической нетерпимостью. Они грозят человечеству новой кровавой войной. Лодж, например, в предновогодних, накануне 1955 года, высказываниях снисново разлагалось.

В новый, 1955 год лагеря мира и демократии вступают в расцвете сил, на крутом подъеме материальной и духовной культуры. В самом тесном, торговом и духовном общении с лагерем социализма, то есть с центром человеческой цивилизации, остро нуждается весь капиталистический мир.

— Я его не читал, — заметил Фабиан, поднимая всем виски. — Он устарел. — Фабиан потрогал свои бумажки и перешел к делу. — Год для нас выдался хороший, — сказал он с удовлетворением. — Прибыли по колониальным вложениям сильно возросли. Сверхприбыли. И здесь, дома, дела наши идут неплохо.

— Смотри, как бы они не окопались нас под предлогом помощи, — угрожающе проворчал Старый Скрудж. — Я начеку, — сказал Фабиан. Часы на стене издали хрипелое жужжание — в точности так откашливался Средний Скрудж — и начал, сипля, отбивать полночь.

— Вот мы и собрались здесь по старому семейному обычаю. Как всегда, в последний вечер года мы должны подвести итог нашим деловым операциям и обдумать, какие шаги нам предпринять дальше. — Он сердито пожевал губами. — Да еще вспомнить дурацкое поверье, будто под Новый год с нашим семейством прозойдет большое несчастье.

Скруджи — главный персонаж известного рассказа Чарльза Диккенса «Рождественские песни». Это типичный образ жадного, эгоистичного скряги, черствого дельца, пренебрегающего своим денежными интересами.

В моей вазе стоит ветка дерева майхуа. Она уже выросла, но мне жаль расстаться с ней. С этой веткой связаны приятные воспоминания о встрече тысячи девятисот пятидесят лет четвертого года. Я встречал его в Пекине. Вокруг было много друзей.

Когда друзья разошлись, я вышел прогуляться на Восточный проспект вечного спокойствия. На углу проспекта и улицы Ванфуциня, где скапливаются десятки рикш, ожидающих пассажиров, было пусто.

И вот наступил 1954 год, — сказал я, чтобы нарушить молчание. — У меня на родине в этот день люди поздравлял друг друга, говорят: «С новым годом, с новым счастьем!»

И вот эта уже выросшая ветка сегодня находится на праздничном московском столе, и в моей памяти оживает истекший год, который я провел в Китае. По китайскому крестьянскому календарю год делится на двадцать четыре времени.

И вот я в Китае «дождевую воду» и «белые росы» жил там в период ясности и чистоты... За минувший год китайский народ сделал настолько огромный шаг в своем развитии, что трудно даже просто перечислить все его свершения.

Я побывал в городах и деревнях, на заводах и новостройках, в сельскохозяйственных кооперативах и госхозах. Я познакомился с судьбами десятков людей, в которых отразилась судьба страны.

— Призраки миллионов людей, погибших в мировых войнах! — Фабиан Скрудж нашел выключатель, и в комнате снова стало светло. Голос умолк, наступила глубокая тишина.

— Кто-то, значит, выключил свет? — проговорил Фабиан, моргая. — Чепуха, просто на станции неполадки, — отрезал Старый Скрудж. — А что касается этой галиматии, нечего обращать на нее внимание.

— Этого не было сказано о том, из каких источников поступили все эти прибыли. В нашем балансе не проставлены красной, окрасившей зеленые леса Малайи и Кении. Не проставлено то обстоятельство, что ваши планы несут Англии гибель, смертельную угрозу возрожденному вермахту. Вы поднимали свою родину интересами американцев.

— Выключите эту штуку! — гневно крикнул Старый Скрудж. — Кто это говорит? — заикаясь спросил Средний Скрудж. — ...Говорят мертвые, — отвечал Голос, гремевший теперь оглушительными раскатами.

— Это против нас! — прошипел Старый Скрудж. — Импортом комиссов контролируем мы. Очень прибыльная статья. — Что их слушать, — оборвал его

ВЕТКА МЭЙХУА

Савва КОЖЕВНИКОВ

фильмов советские зрители вновь смотрели «Сесту левушку» — кинокартину о трагической судьбе нежной и трогательной юной Сир-ар. Роль сестры левушки играет талантливая молодая актриса Тянь Хуа.

Тянь Хуа родилась в бедной крестьянской семье в провинции Хэбэй. В деревне было это двором, сорок из них жили впроголодь. Девочка сиротила родителей: — Почему мы бедны? — Родители не могли это объяснить. Мать сказала: — Почему ты не обшла деревню с фонарем и не выбрала богатых, чтобы там родиться?.. Мы бедные, и нам надо быть покориными. У помещиков даже волосы толще наших...

Тянь Хуа была еще совсем юной, когда к ним в деревню пришла китайская Народно-освободительная армия, а вскоре после того приехала армейская театральная труппа. «Мне понравилась их боевая, нарядная и интересная жизнь, — вспоминает Тянь Хуа, — и я надела на себя армейскую куртку».

Это было в 1940 году. Через десять лет деревенская девушка стала прославленной актрисой. Тянь Хуа была избрана депутатом Всекитайского собрания народных представителей. Я слышал ее речь с трибуны в зале Хуайжэньтаня, слышал овацию, которой депутаты встретили ее слова: — Я — молодая актриса, воспитанная партией. Я прошла школу великой революционной борьбы, я видела победу, а сейчас социализм и коммунизм проталкивают мне свои руки, и я иду им навстречу!

Вскоре после знакомства с Тянь Хуа я встретился с известным китайским композитором Ма Си-цзунем. Но сначала — о Фонарическом хребте. Красный и величественный эти горы. У их подножия склоны крутые, а в долине — крошечная крестьянская деревня. Поблизости от нее нет никакого человеческого жилья. Лишь далеко-далеко на другом склоне затерялась такая же маленькая хижина, а еще дальше — вторая, третья. Так разрозненно живут там крестьяне. Наступает вечер, и около одинокого фанга выстраиваются люди. Горы резонируют, и вот весь Фонарический хребет, словно единый, дружный огромный хор. Впервые услышал этот своеобразный хор в 1952 году. Ма Си-цзунь был потрясен!

С детства Ма Си-цзунь любил музыку и играл на китайских инструментах. Ему удалось получить музыкальное образование во Франции. Но, возвратившись на родину, он смог лишь выступать в концертах, композиторской деятельностью долго заниматься не удавалось. Только в 1946 году, после освобождения Тайваня от японских оккупантов, Ма Си-цзунь создал свою первую симфонию. В 1948 году он написал свободные, патристические кантаты

От сердечной радости у человека прибавляются силы. Се Хун организовал кружок для громкой читки газет и начал выпускать стенгазету. Весь день рикша развозит по городу грузы, а по вечерам спешит на свою улицу, рисует карикатуры для стенгазеты, пишет заметки.

Однажды пришел к нему женщины и сказала: «Народ выдвигает тебя кандидатом народного суда». Старый рикша оправдал доверие, и люди избрали его депутатом в районное, а потом и в городское собрание народных представителей...

...В Пекине новый день наступал на пять часов раньше, чем в Москве. В новогоднюю ночь мы шлем поздравления нашим китайским друзьям: с Новым годом, товарищи, с новым счастьем!..

К РАТИФИКАЦИИ ПАРИЖСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Французский премьер — бонскому канцлеру: — Ведь тебе именно это хотелось получить на новогодний праздник! Рисунок художника Донга из французского еженедельника «Ви уриер»

Старый Скрудж. — Горстка красных, и больше ничего. Но пока он говорил, класс превратился в огромный, битком набитый зал, и все, кто был в нем, аплодировали оратору. За все рос, и росла толпа, кричавшая: «Запретить американские комиски!» Скруджи в ужасе отшатнулся от этого зрелища. Комната возмала вверх, и воздух зашевелился в ушах. Потом она снова опустилась, и Скруджи увидел тесное помещение, где тоже шло собрание. Оратор говорил: «Мы требуем, чтобы вооружению наместов был положен конец. Мы требуем переговоров для мирного разрешения всех международных разногласий. Мы требуем признания народного Китая...»

— Там нас сплюнут. — в испуге возразил Средний Скрудж. — Им нельзя доверять... Удрученные, они молча смотрели друг на друга. — Люди — вот в чем беда, — сказал Старый Скрудж, словно ему, наконец, открылась страшная истина. — Ничто не поможет. Такого места, где нет людей, все равно не найдешь.

Невеселые итоги

Happy New Year

«Роина» и «Весна». Их запретили гоминдаповцы. После 1 октября 1949 года по всему Китаю зазвучали народные песни. Ма Си-цзунь совершил поездку по родной стране. Он смотрел на замечательный труд людей, преобразующих природу, записывал мелодии их песен. И те, что он услышал в Фонарических долинах, помогли ему создать чудесную «Горную песню» для скрипки и пьесу «Весенняя пляска», в которой он воспел весну возрождения своей родины.

Однажды в союз композиторов прибыло письмо. «Возьмите географическую карту, — говорилось в нем, — и найдите на ней в провинции Юньнань местечко на реке Юэцзян. Там в детстве я пас овец. Я знал тогда множество пастьбухских песен. Сейчас я записал мелодии, сохранившиеся в моей памяти, и послал их композитору. Может быть, они будут полезны».

Ма Си-цзунь взял в руки записи бывшего пастьбуха, как пригоршни бриллиантов. Под впечатлением пастьбухских мелодий он написал одно из лучших своих произведений — «Песнь о горных лесах».

Всекитайское собрание народных представителей приняло конституцию — первую истинно народную конституцию за пятнадцатьлетнюю историю Китая. Открытая сессия этого собрания. Ма Си-цзунь сказал: «Мы делаем великое и славное дело, за которое никогда не брались наши предки».

Сообщение о принятии конституции передавалось по радио. На улицах, площадях Пекина толпились люди. На улице Ванфуциня у репродуктора стояли рикши. Был там и Се Хун. В день, когда мы встретились с ним впервые — 1 января 1954 года, он, оказывается, был избран депутатом в районное собрание народных представителей. Я побывал в доме, где живет Се Хун, и сосед рассказал мне об изменениях, которые произошли в его жизни. После освобождения Пекина рикши создали профессиональный союз. Се Хун стал старостой группы. В 1951 году его выбрали членом уличного Совета общественного порядка.

Пять миллионов полностью безработных насчитывается сейчас в Соединенных Штатах. Как живут эти люди, которых министр финансов США Билсон грубо оскорбил недавно, сравнив их с собаками? Американцы печат вынуждены сообщать кое-какие подробности об их тяжелой участи. Картина, в общем, вырисовывается такая: рабочее время после того, как рабочего вырасывают за ворота, он живет впроголодь на так называемое «пособие по безработице». Срок выплаты пособия колеблется в разных штатах от 16 до 26 недель, и оно настолько мизерно (в среднем 25 долларов в неделю при прожиточном минимуме семьи из 4 человек в 104 доллара в неделю), что его не хватает для удовлетворения самых насущных нужд безработного и его семьи. Кончился срок выплаты пособия — безработному остается занять место в очереди на «бесплатную похлебку».

В начале декабря министр труда Митчелл сообщил, что за первые 9 месяцев 1954 года свыше 1 300 тысяч американцев исчерпали свои пособия по безработице и не нашли работы. А сенатор-демократ Хэмфри, выступая в конгрессе еще летом и говоря об условиях жизни безработных в штате Миннесота, сказал, между прочим, что у него есть фотография, заснятая в городе Миннеаполисе, «на которой показано, как в протраивающей Америке на полтора квартала вытянулись перед кухней очередь из людей, стремящихся получить немного похлебки».

В 1954 году, по сравнению с прошлым годом, доходы фермеров снизились на 10 проц.; в 1955 году предсказывают новое снижение. «В штате Нью-Джерси три фермера-птицевода покочили самубийством из-за низких цен на яйца» — сообщил 4 октября еженедельник «Нейшнл гарльдер». Подобные сообщения частенько встречались в 1954 году в американских газетах. Такова трагическая судьба труженников земли в современной Америке!

Характерно, что даже некоторые лидеры буржуазных партий США вынуждены ныне признавать, что современное экономическое положение Америки являет собой безрадостную картину.

«Положение не является хорошим», — констатировал, например, в своей речи в Детройте в октябре 1954 года Эдлай Ственсон — кандидат демократической партии на последних президентских выборах. Он сослался на следующие факты: — Национальный доход США на 20—25 миллиардов долларов меньше, чем он «должен быть».

— Один из каждых 20 человек, составляющих рабочую силу, не имеет работы. — Стоимость жизни достигла рекордно высокого уровня по сравнению с любым периодом. — Средний еженедельный заработок рабочих в промышленности сократился.

— Фермеры также «находятся в затруднительном положении». «В то время как американская экономика сокращается», — сказал он без тремора Ственсон, — советская экономика быстро развивается, и это является одним из важнейших факторов в международном положении. Нравится вам это или нет, но остальной мир провадит сравнение между США и Советским Союзом».

Признание весьма красноречиво! Спору нет, американским монополистам это очень не нравится, но люди во всем мире действительно делают сравнение между миром капитализма и миром социализма.

Мы не знаем, какими рисунками и карикатурами «позабавлял» своих читателей американские газеты в канун нового, 1955 года. Что касается художника Р. Голдберга, то он имел все основания предложить «Нью-Йорк Джорнал-Америкэн» свой прощальный рисунок, украсив его лишь одним «большим шипом» рядом с цифрой «54» на циферблате.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМОРНОВ.

Джек ЛИНДСЕЙ, английский писатель. СКРУДЖ и К

Современная английская сказка

Капли дождя стучали в окно, как пальцы робкого прислуги. У стола, крытого зеленым сукном, сидели два старика компаньона фирмы «Скрудж, Скрудж и К». Лидо Старого Скруджа, худое и темное, воздевал глубокие морщины; при свете висячей лампы оно казалось вырубленным из твердого дерева. Средний Скрудж, его сын, толстый и неповоротливый, сидел, прищурив один глаз. Между ними на столе стояла початая бутылка виски. Отворилась дверь, и стала видна прибытая в ней дюжечка с надписью: — Торговая акция, оружие, человекскими дунами, старыми костюми и прочим товаром, обратным в доллары.

В дверь быстрой походкой вошел третий Скрудж, Фабиан Скрудж, надежда всей семьи. — Ну-с, так, — сказал он деловито и, усевшись за стол, извлек из портфеля пачку бумаг. Средний Скрудж нахмурился и вгляделся на стальные часы. Старый Скрудж только нахмурился и плотнее сжал губы. Фабиан налил себе виски и с бодрой усмешкой стал разбирать бумаги. Наконец, Старый Скрудж заговорил негромким, скрипучим голосом. — Вот мы и собрались здесь по старому семейному обычаю. Как всегда, в последний вечер года мы должны подвести итог нашим деловым операциям и обдумать, какие шаги нам предпринять дальше. — Он сердито пожевал губами. — Да еще вспомнить дурацкое поверье, будто под Новый год с нашим семейством прозойдет большое несчастье.

Скруджи — главный персонаж известного рассказа Чарльза Диккенса «Рождественские песни». Это типичный образ жадного, эгоистичного скряги, черствого дельца, пренебрегающего своим денежными интересами.